

ЭРИХ, МАРИЯ И МАРК

Павел Богатов



На западном фронте всё тот же бар

18+

Павел Богатов

Эрих, Мария и Марк

<https://litres.ru/74037953>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Эрих, Мария и Марк» — это роман о потерянном поколении сегодняшней Москвы, о бизнесе на чужих грехах и о любви, которая выросла из общей трагедии. Ремарк бы налил себе кальвадоса, прочитав эту книгу.

Москва, 2027 год. В цоколе сталинской высотки на Котельнической набережной работает бар «Три товарища» — самый странный и самый дорогой закрытый клуб столицы. Попасть сюда нельзя ни через «Кассир.ру», ни через знакомства. Здесь не танцуют, не поют караоке и не курят кальян. Здесь гости платят за право быть морально раздетыми при свидетелях.

Хозяева иммерсивного бара — трое. Эрих, хирург-циник, ведёт исповеди. Мария, антиквар-фальсификатор, продаёт гостям их же боль в подарочной упаковке. Марк превращает скандалы в контент. После закрытия они остаются втроем: двое мужчин, одна женщина, напряжение на грани запретного. Но никто из них не знает, что их свела трагедия августа 1998-го.

Сатира, эротика, чёрный юмор и тайна, которая взорвётся на последней странице.

Содержание

Глава 1. Вход только для мёртвых	4
Глава 2. Коктейль «Горящий рейхстаг»	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Эрих, Мария и Марк

На западном фронте всё тот же бар

Глава 1. Вход только для мёртвых

Бот в Телеграме ответил ровно в полночь. Сообщение было сухим, как военная сводка: «Завтра. Двадцать два ноль-ноль. Котельническая набережная, дом один дробь пятнадцать. Вход через арку со стороны двора. Пароль: „У меня завтра похороны“. При себе иметь наличные. Телефон оставите на ресепшене. Вопросы не принимаются».

Кирилл Сергеевич, владелец трёх автосалонов и одного развода, перечитал сообщение дважды. Полгода он пытался попасть в «Три товарища». Полгода знакомые из Рублёвки кормили его слухами: то ли закрытый спикизи, то ли секта, то ли театр, где зрители плачут, а актёры пьют по-настоящему. Никто ничего не знал точно, но все хотели войти. Когда приятель-банкир скинул контакт бота, Кирилл не поверил. Теперь он стоял в арке сталинской высотки, вдыхая сырой октябрьский воздух Москвы, и чувствовал себя идиотом, который заплатил двести тысяч за право посидеть в подвале.

Дверь была чугунной, без вывески. Только глазок и кнопка звонка, вмонтированная в львиную пасть. Он нажал. Прошло секунд десять. За дверью кто-то долго возился с засо-

вом, потом створка отошла ровно на ширину лица.

— Пароль, — сказал молодой голос.

— У меня завтра похороны.

— У всех у нас завтра похороны. Заходите.

Марк — а это был именно он — отступил в тень. Кирилл шагнул внутрь и сразу попал в лапы запаха: старая кожа, трубочный табак, нагретый воск и что-то ещё, едва уловимое, как духи покойной бабушки, которыми она душилась перед смертью. Прихожая была крошечной. Гардероб из красного дерева, зеркало в потемневшей раме, бархатный шнур, отделывающий вход в основной зал. Под ногами — ковёр, протёртый до основы.

— Телефон, — Марк протянул руку. Парень выглядел странно: бесформенный чёрный худи, явно Balenciaga, кроссовки Yeezy, на шее — серебряная цепочка с дореволюционным ключом. Волосы взлохмачены, глаза цепкие, как у барыги с Арбата. Улыбка — наглая, но обезоруживающая.

— Вы серьёзно? — Кирилл сжал айфон в кармане.

— Абсолютно. Здесь не снимают, не записывают и не звонят мамочке. Если хотите фоточки для сети — идите на Патриаршие. Здесь — театр. Телефон в сейф. Ключ заберёте при выходе. Или не заберёте, если напьётесь.

Марк говорил быстро, без подобострастия, явно наслаждаясь ролью привратника ада. Кирилл сдал телефон, получил медный номерок и шагнул за бархатный шнур.

Зал был небольшим. Десять столов, накрытых скатертя-

ми цвета запёкшейся крови. Свечи в бутылках из-под кальвадоса. Стены затянуты тёмным деревом, на полках — старые книги вперемишку с аптекарскими склянками. В углу, на возвышении — пианино, за которым сидел лысоватый музыкант в подтяжках и играл что-то из послевоенного Берлина. Запах усилился: теперь к нему добавился алкоголь, хороший виски, разлитый по графинам на каждом столе.

Гостей было человек двадцать. Мужчины в дорогих, но нарочито небрежных костюмах; женщины в платьях-футлярах, с бриллиантами, которые стоили больше, чем квартира Кирилла в Хамовниках. Разговоры велись вполголоса. Никто не смеялся громко. Все ждали.

Кирилла усадили за крайний стол у стены. Он заказал виски — Macallan восемнадцатилетний, цена конская, но не чета входному билету — и принялся разглядывать помещение. Вот тогда он и заметил шкатулку. Она стояла на полке у барной стойки, почти незаметная среди прочего антикварного хлама: деревянная, тёмно-вишнёвая, с инкрустацией в виде трёх переплетённых колец. На вид — ерунда, тысяча долларов максимум. Но что-то в ней цепляло взгляд. Может, то, как падал на неё свет от лампы Эдисона. Может — ощущение, что за тобой наблюдают изнутри.

— Она пуста, — раздался женский голос.

Кирилл вздрогнул. Рядом с его столом стояла женщина. Лет тридцати, острые скулы, тёмные волосы убраны в низкий пучок. Платье — явно винтаж, Margiela или что-то по-

добное, чёрное, с глухим воротом. На груди — брошь в виде камеи, белый профиль на чёрном фоне. Пахло от неё старыми духами и почему-то — сырой землёй, как из цветочного магазина.

— Шкатулка, — пояснила она, заметив его взгляд. — В ней ничего нет. Все думают, что там секрет, а там пусто. Я проверяла.

— Жаль, — сказал Кирилл, не найдясь что ответить.

— Не жаль. Иногда пустота стоит дороже содержимого. — Она слегка улыбнулась. — Меня зовут Мария. Это мой бар. Точнее, наш. Добро пожаловать. Если захотите исповедаться — скажите официанту. Сегодня принимает Эрих.

— Исповедаться? Я не верю в Бога.

— Он тоже. Поэтому принимает без отпущения грехов.

Мария кивнула и отошла к другому столу. Кирилл проследил за ней взглядом: двигалась она как танцовщица или как человек, который привык носить траур. В ней было что-то неправильное, тревожное — но именно поэтому от неё невозможно было оторваться.

В зале началось движение. Пианист перестал играть. Марк, тот самый парень с ключом на шее, вышел на середину и хлопнул в ладоши. Гул стих.

— Дамы и господа, — объявил он громко, но без пафоса, — сегодня у нас особенный вечер. С нами человек, который потерял всё, но ещё не осознал этого. Поприветствуем — или, вернее, помянем — Игоря Аркадьевича. Игорь Ар-

кадьевич, вы где?

С крайнего стола поднялся мужчина лет пятидесяти. Дорогой костюм-тройка, часы Patek Philippe, но лицо — пепельное, с провалами под глазами. Он явно пил до прихода. Или всю жизнь.

— Игорь Аркадьевич, — продолжил Марк, — заплатил за ритуал «Отпевание капитала». Кто не в курсе: это когда мы хороним не человека, а его банковский счёт. С музыкой, аплодисментами и дружеским цинизмом. Эрих, ты где?

Из тени за барной стойкой вышел мужчина. Высокий, худой, в белой рубашке с закатанными рукавами. Кисти рук — сильные, с длинными пальцами, какие бывают у хирургов или пианистов. Лицо — будто вырезанное из сухого дерева: резкие морщины, глубокие глазницы, тяжёлый подбородок. Ему было лет сорок семь, но выглядел он на все пятьдесят. Он нёс в одной руке стакан виски, в другой — серебряный колокольчик.

— Игорь Аркадьевич, — произнёс он голосом, который Кирилл сразу же мысленно сравнил с треском грампластинки, — подойдите сюда. Не бойтесь. Мёртвые не кусаются.

Гость вышел в центр зала. Эрих обошёл его по кругу, разглядывая, как врач — пациента, как гробовщик — покойника.

— Вы потеряли состояние на крипте. Сколько?

— Двадцать семь миллионов. Долларов.

По залу прокатился сдержанный шёпот.

— Прекрасно, — Эрих даже не улыбнулся. — Двадцать семь миллионов. Для кого-то — годовой бонус. Для вас — вся жизнь. Вы поэтому пьёте третий день?

— Я не...

— Пьёте. От вас пахнет, как из реанимации после корпоратива. Но это не важно. Важно другое. Вы знаете, почему вас позвали сюда?

— Потому что я заплатил.

— Нет. Вы заплатили за вход. А позвали вас потому, что вы уже мёртвы. Просто ещё не легли в гроб. И мы здесь, чтобы помочь вам это осознать.

Эрих подошёл ближе. Положил руку на плечо гостя. Жест был почти отеческим.

— Скажите, Игорь Аркадьевич, что вы чувствовали, когда поняли, что всё пропало?

Тишина в зале стала абсолютной.

— Пустоту, — прошептал гость.

— Опишите её.

— Как будто внутри меня выключили свет. И остался только я — и темнота.

Эрих кивнул. Потом обернулся к залу и поднял колокольчик.

— Господа. Перед вами человек, который видел бездну. Он потерял двадцать семь миллионов и нашёл то, что стоит гораздо дороже, — правду о себе. Правда эта проста: он — пустота. Мы все — пустота. Но он теперь знает об этом, а

вы — ещё нет. Помянем же его. Игорь Аркадьевич, живой мертвец. Скончался при падении биткоина. Пусть земля ему будет пухом, а активы — уроком.

Колокольчик зазвонил. Пианист заиграл траурный марш, но в джазовой аранжировке. Зал взорвался аплодисментами и хохотом. Игорь Аркадьевич стоял в центре, и по его лицу текли слёзы — но он улыбался. Кирилл видел, как этот уставший, сломленный человек внезапно расправил плечи. Словно с него сняли невидимый груз.

Мария подошла к Игорю Аркадьевичу, взяла под руку и отвела к своему столу. Пока зал шумел, она тихо говорила с ним о чём-то, и Кирилл заметил, как в руках женщины появилась маленькая бархатная коробочка. Ещё одна продажа. Ещё один артефакт с чужой болью.

Вечер продолжался. Были и другие гости: кто-то плакал, кто-то смеялся, один пьяный чиновник пытался спорить с Эрихом о политике и был высмеян так жестоко, что зал выл от восторга. Марк скользил между столами, перешёптывался, что-то снимал на маленькую камеру Leica — без звука, без вспышки, одними движениями пальцев. Мария исчезала и появлялась, каждый раз с новым лицом: то холодная хозяйка, то сочувствующая подруга, то расчётливый коммерсант.

Кирилл выпил ещё. Он чувствовал себя лишним — и именно это чувство, как ни странно, было самым честным, что с ним случилось за последние годы. Он не пошёл исповедоваться. Он просто сидел и смотрел, как трое незнаком-

цев переворачивают души гостей, будто старые пластинки на граммофоне, ставя иглу точно в царапину.

В третьем часу ночи гости начали расходиться. Забирали телефоны, оставляли наличные в конвертах, исчезали в арке. Кирилл ушёл одним из последних, не оборачиваясь. В ушах всё ещё звенел колокольчик. В ноздрях стоял запах воска и земли.

Дверь за ним закрылась с глухим стуком. Внутри остались трое. И шкатулка, которую Мария назвала пустой, но в двойном дне которой дремала тридцатилетняя тайна. Но об этом пока не знал никто. Даже те, кто думал, что знает всё.

Глава 2. Коктейль «Горящий рейхстаг»

Утро Эриха началось с запаха хлоргексидина и чужой крови. В операционной Боткинской больницы пахло именно так — стерильно и безнадежно, как в морге, где забыли выключить кондиционер. Он стоял над раскрытой брюшной полостью и перебирал инструменты с той же отстранённой ловкостью, с какой бармен смешивает коктейли. Только цена ошибки здесь измерялась не чаевыми, а жизнью пациента. Хотя, если честно, пациент был тот ещё фрукт: шестьдесят два года, цирроз, три попытки завязать и одна — удачная — умереть.

— Зажим.

Сестра подала. Эрих работал молча. Он не любил болтовню во время операции. Разговоры отвлекали, а когда в твоих руках чужая печень, отвлекаться не стоило. Но внутренний монолог не выключишь. Внутренний монолог вообще никогда не выключался — именно поэтому он пил. Именно поэтому он купил чёрную Tesla Model X и гонял по ночной Москве на скорости, которая пугала даже гаишников.

«Печень как печень, — думал он, накладывая шов. — Была бы моя воля, я бы пересаживал совесть. Но совесть не трансплантируется. Совесть — это аппендикс души: руди-

мент, который болит, когда никого не ждёшь».

Операция закончилась. Он скинул перчатки, вымыл руки до локтей и вышел в ординаторскую. Там его ждал кофе, остывший до температуры разочарования, и телефон с десятком пропущенных. Звонил в основном Марк — с напоминанием, что сегодня пятница, а значит, вечер в баре, и нужно подготовить «программу». Эрих сбросил.

Он не любил пятницы. Пятница была днём, когда он должен был превращаться из хирурга в конференсье. Из человека, спасающего жизни, — в человека, который за деньги говорит людям, что они уже мертвы. Ирония заключалась в том, что роль конференсье удавалась ему лучше.

До вечера оставалось шесть часов. Он сел в Tesla, включил автопилот и выехал на Третье кольцо. Москва 2027 года проплывала за окном, как декорация к фильму, который никто не снял: рекламные щиты криптобирж, очереди на Кассир.ру за билетами на концерт какого-то мёртвого рэпера, новые вывески доставок, обещающих счастье за пятнадцать минут. На набережной Москвы-реки стояли рядами припаркованные электросамокаты — стадо железных кузнечиков, ожидающих новых жертв.

В бардачке лежал портсигар деда. Эрих вытащил его. Серебро потемнело, но гравировка ещё читалась: «За спасение рядового Мюллера. Восточный фронт. 1943». Дед был военврачом, прошёл Сталинград, Кёнигсберг, умер в семьдесят девятом от инфаркта, так и не рассказав, кого именно он спа-

сал и почему этот Мюллер стоил того. Портсигар пах табаком, которого уже не производят. Эрих иногда открывал его просто ради запаха — этот аромат был единственной нитью, связывающей его с прошлым, о котором он предпочитал не говорить.

В шесть вечера он подъехал к высотке. Припарковал Tesla у арки, бросил ключи Марку и вошёл в бар через служебный вход. Мария была уже там. Она стояла у барной стойки, переставляла бутылки и тихо ругалась с поставщиком.

— Где кальвадос? — спросила она, не оборачиваясь. Узнала по шагам. Всегда узнавала.

— Я тебе не сомелье, — ответил Эрих, усаживаясь на барный стул. — Я тебе хирург, который после десятичасовой смены хочет выпить. Налей «Макаллан». Без льда. Без воды. Без разговоров.

Мария обернулась. В свете лампы Эдисона её лицо казалось вырезанным из слоновой кости — такая же гладкая, холодная, дорогая текстура. Она налила ему виски. Себе — кальвадос. Они чокнулись молча, и этот звук был единственным, что имело смысл.

— Ты сегодня злой, — заметила Мария.

— Я всегда злой. Просто сегодня мне лень это скрывать.

— Пациент умер?

— Хуже. Выжил.

Она усмехнулась. Усмешка у неё была странная — не весёлая, а понимающая. Так усмеваются люди, которые тоже

видели слишком много.

— Сегодня был хороший вечер, — сказала Мария, меняя тему. — Ты слышал, этот банкир, Игорь Аркадьевич, после ритуала купил у меня часы своего деда.

— Те самые, которые ты выкупила у его жены за бесценок три недели назад?

— Они самые. Только теперь они стоят в десять раз дороже.

Эрих хмыкнул.

— Ты продаёшь людям их собственную боль. Гениально.

— Боль — единственный товар, который никогда не дешевеет.

Они помолчали. Где-то в подсобке возился Марк — слышны были его шаги и обрывки телефонного разговора: он договаривался о следующей поставке виски или о следующем госте, который заплатит за право быть униженным. Эрих отпил ещё. Виски тёк в горло, как жидкий огонь, и на мгновение он почувствовал себя почти живым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.